

ПАВЕЛ I

Николай Шахмагонов

Драмы любви
и трагедия царствования

 Любовные драмы

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Павел I. Драмы любви и
трагедия царствования**

«ВЕЧЕ»

2022

Шахмагонов Н. Ф.

Павел I. Драммы любви и трагедия царствования /
Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ», 2022 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-8777-4

Судьба императора Павла Петровича печальна и таинственна. Когда его отца отстранили от власти, Павлу еще не исполнилось шести лет. Потому неслучайно его называли Русским Гамлетом. Его правление, бурное и яркое, являлось важной вехой истории России. Но длилось оно недолго (1796–1801) — государственные реформы императора вызвали гнев и возмущение правящей элиты. О трагической судьбе и несчастной любви этой незаурядной личности рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4484-8777-4

© Шахмагонов Н. Ф., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Чья кровь текла в жилах Павла?	6
Воспитать «любезным пред Богом и у людей»	17
«Ранняя любовь» цесаревича	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Шамагонов Павел I

Дамы любви и трагедия царствования

© Шамагонов Н.Ф., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

* * *

Чья кровь текла в жилах Павла?

Известный историк Василий Осипович Ключевский писал об императоре Павле I:

«Собрав все анекдоты, подумаешь, что всё это какая-то пёстрая и бессвязная сказка; между тем в основе правительственной политики (императора Павла), внешней и внутренней, лежали серьёзные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие. ...Павел был первый противодворянский царь этой эпохи... а господство дворянства, и господство, основанное на несправедливости, было большим местом русского общежития во вторую половину века. Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящим побуждением деятельности императора, борьба с сословными привилегиями – его главной целью».

Это мнение историка основано на точных фактах и документах.

Пора поговорить открыто и честно об императоре Павле I, причём в основу разговора взять его отношение с представительницами прекрасного пола, поскольку известна истина, выраженная в короткой фразе писателем Алексеем Максимовичем Горьким: «Уровень культуры мужчины определяется его отношением к женщине». Но Горький также говорил: «Жизнь без любви – не жизнь, а существование. Для того и дана душа человеку, чтобы любить...»

Всё это относится целиком и полностью к жизни и судьбе императора Павла I, равно как и следующая фраза, так же принадлежащая писателю: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую...»

Жизнь императора Павла заключалась именно в горении, причём это горение мы видим уже в самом раннем его возрасте, горение в учёбе, горение в подготовке к тому важному, что определено судьбой, – служению Отечеству в державной роли государя, и, конечно, горение в любви.

Испытания обрушились на будущего государя с самых ранних лет, и эти испытания повлияли на его характер, а характер определил многое в его судьбе.

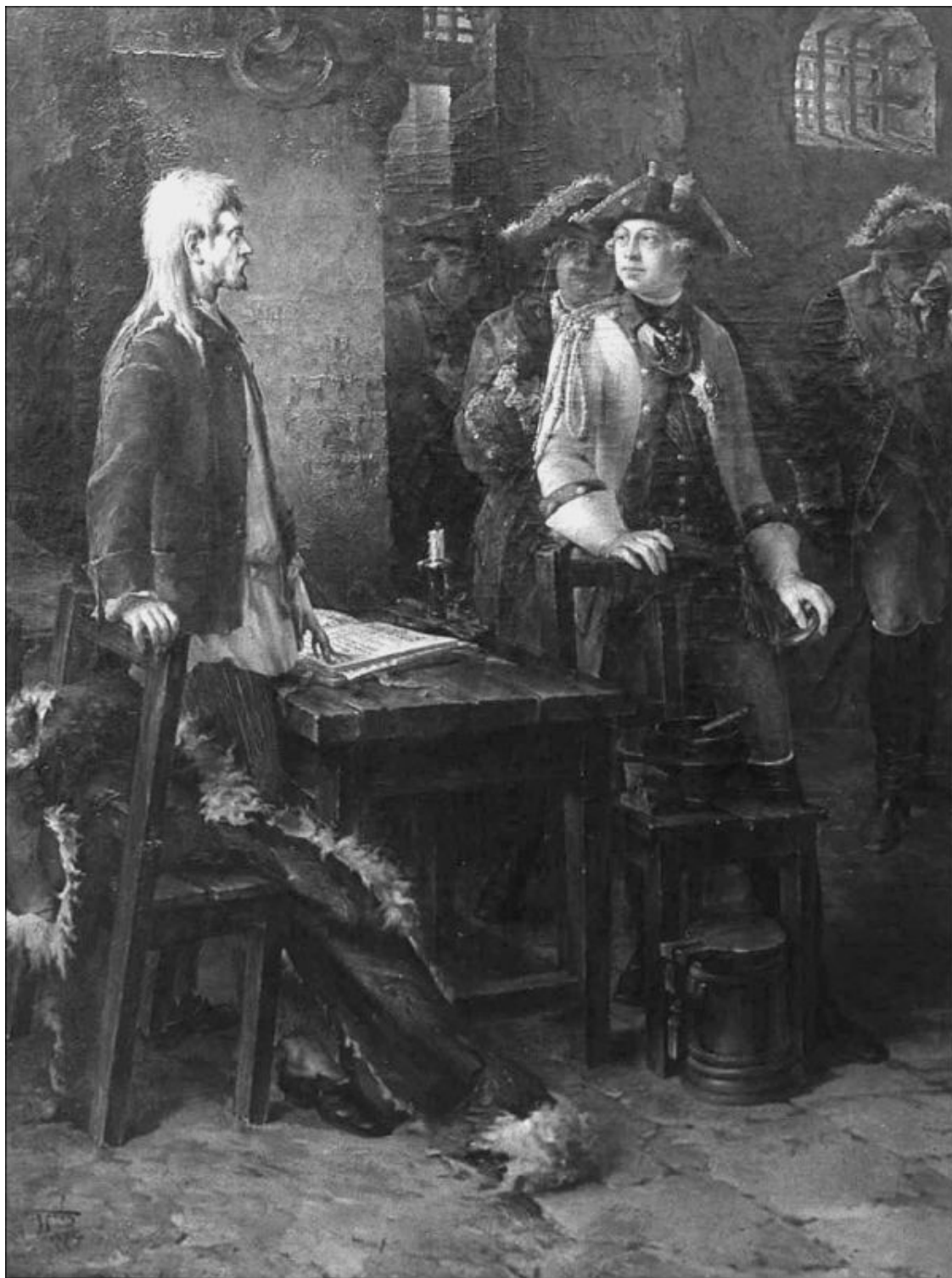
Представьте себе, что ребёнка, которому идёт всего лишь восьмой год от роду, поднимают ночью, словно по тревоге, куда-то везут, а вокруг озабоченные, чем-то напуганные люди, и среди разговоров слышатся опасения, что промедление может обернуться заточением в крепости, пожизненным заточением, подобно тому, которому подвергнут Иоанн Антонович. О нём маленькому Павлу ничего точно не известно, но имя его нет-нет да и произносится шёпотом в его присутствии.

А на дворе белые ночи – кстати, белыми их называли значительно позже, это имя навечно припечатано к ним изумительной повестью Фёдора Михайловича Достоевского «Белые ночи». Именно эту повесть о любви, написанную, можно сказать, белым стихом, он озаглавил так поэтично, чем и дал название замечательному явлению, особенно ярко поражавшему всех в Петербурге и в ту пору, и в настоящее время.

И вот среди этих белых ночей, когда солнце хоть и скрывалось за горизонтом, но не уходило далеко, а бродило где-то за кромкой той линии, за которой уже ничего не разглядеть, бродило, продолжая освещать отражённым светом серого неба и Петропавловскую крепость, и Неву, и городские кварталы, и Летний сад, и уже почти завершённый ансамбль Зимнего дворца.

Так чем же напуганы придворные, окружавшие его, чем напугана мать, кто грозит расправой ему, ещё не искущённому в политических интригах, но уже пугающему самым своим существованием?

Кто желает его гибели или пожизненного заточения? Неужели император, неужели его родной отец?

Петр III посещает Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости. Художник Ф. Е. Буров

Да, это император, хотя маленькому Павлу напрямую так не говорят, но это он, только вот отец ли, отец ли ему тот, по чьему приказу уже переведён подальше узник Шлиссельбургской крепости «несчастный Иоанн Антонович» и подготовлены казематы для законной его супруги Екатерины Алексеевны и сына, сына официального, хотя и не признанного им самим.

Вот тут настала пора глубже окунуться в родословную того, кто оказался столь опасным для императора Петра III и той, что была ещё более опасной для него, Екатерины Алексеевны,

до приезда в Россию и обращения в православную веру носившей имя София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская. Во всех перипетиях особенно важно разобраться потому, что, не разобравшись в истинной родословной матери по её отцовской линии и сына как по материнской, так и отчасти по отцовской линиям, трудно будет понять, почему столь сложно, даже трагично сложилась судьба будущего российского самодержца, о котором историк Ключевский сказал добрые слова и о котором мы должны, просто обязаны сказать ещё много справедливых слов, опираясь на оценки и выводы добропорядочных современников и опровергая, по очень мягкому выражению Василия Осиповича, анекдоты, которые на самом деле далеки от этого определения, а являются обычными пасквилями и мерзкой клеветой.

Владимир Иванович Даль в своём знаменитом и уникальном по содержанию «Словаре живого великорусского языка» записал, что анекдот – «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае...». Ну а то, что сочинили враги Павла Петровича, которые были, между прочим, и лютыми врагами России, явилось не чем иным, как пасквилями, а пасквиль, опять же по Далю, – «безыменное ругательное письмо, поносное сочиненье», а уж клевета, – если опять же по Далю, «распространение заведомо ложных, позорящих кого-либо измышлений», – имеет и чёткое духовное определение. Церковь учит, что клеветник – слуга дьявола. То есть те, кто выдумывал про Павла Петровича всякие, мягко говоря, небылицы, служил дьяволу, как, впрочем, и все тёмные силы агрессии в Европе, и особенно в Англии.

Итак, чтобы понять и осознать величие государя, которого один из современников назвал «рыцарем времён протекших», хотя я бы не применял в данном случае давным-давно скомпрометированное европейское слово «рыцарь», заменив его на величественное, действительно благородное слово «витязь», так вот, чтобы правильно оценить подлинного витязя на русском престоле, мы пройдем вместе с ним дорогой его многих скорбей и немногих радостей, измен, предательств, попыток отравлений, дорогой обид, счастья и несчастья в браках и связях, одна из которых дала сына, сыгравшего роковую роль в его личной судьбе и судьбе России; коснёмся коварного замысла, составленного его врагами и врагами России, а начнём с того момента, когда на престол вступали Романовы, к коим он на самом деле никакого отношения по крови не имел...

Истоки противостояния можно искать именно в 1613 году, когда в ходе Земского собора – представительного собрания всех земель и сословий Русского царства, созданного для избрания на престол нового царя, – была допущена величайшая несправедливость, старательно замалчиваемая в популярных исторических книгах. Земский собор открылся 16 января 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля. Долго не могли прийти к единому мнению о том, кто должен стать царём, но всё же наиболее авторитетными считались князья Дмитрий Михайлович Пожарский (1578–1642), народный герой, освободитель Москвы от поляков, прямой потомок великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, и князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, один из руководителей Первого ополчения, глава Земского правительства с 30 июня 1611 по весну 1613 года, получивший титул «Спаситель отечества». Он вместе с Дмитрием Пожарским и Кузьмой Мининым руководил освобождением от поляков столицы. Когда поляки были изгнаны, Пожарский вполне мог сесть на трон, как руководитель всех вооружённых сил, но предпочёл создать правительство во главе с Трубецким, чтобы подготовить избрание царя на Земском соборе.

21 февраля 1613 года состоялись выборы, на которые самые достойные кандидаты – Пожарский и Трубецкой – не явились. Был избран Михаил Фёдорович Романов. Но что же случилось. Оказалось, что особняки Пожарского и Трубецкого были «взяты в осаду» и князей просто не выпустили из них, чтобы провести на трон царя, а следовательно, и всю дина-

стию, которую считали наиболее выгодной некоторые силы, в ту пору себя ещё полностью не открывшие.

Так и осталось неизвестным, кто мог бы стать первым русским царём новой династии, если бы на соборе присутствовали два великих мужа, два подлинных героя, доблестью и мудростью своей доказавшие преданность Отечеству и умение постоять за него. В любом случае все наиболее знаменитые княжеские роды восходили в дальних коленах своих к часто именуемому легендарным, на самом деле вполне реальному Рюрику, то есть были от Рюриковичей, династия которых сплотила Русь, укрепила её, отстояла в борьбе с бесчисленными врагами, но была прервана стараниями тёмных сил Запада, прежде всего всё той же Англии.

Но недаром говорят, что на всё воля Божья. Святитель Иоанн Златоуст учил: «Всё управляется Промыслом Божиим, но одно бывает по допущению Бога, а другое при Его содействии... знай, что всё Бог устрояет, о всём промышляет, что мы свободны, что Бог в одном содействует нам, другое только попускает, что Он не желает никакого зла, что не по Его только воле всё случается, но и по нашей...»

Случилось то, что случилось, ну а дальнейшие события показали, что случилось явно не по промыслу, ибо недолго правили Романовы – Романовы по оглашению. То есть оставался как бы род Романовых, но последним Романовым можно считать именно того, кто собирался в июньские дни заточить в казематы Шлиссельбургской крепости пожизненно свою супругу Екатерину Алексеевну и сына (по оглашению сына) Павла. То есть последним был, да и тот уже оевропеившийся, Пётр III, который умер в июле 1762 года, именно умер, а не был убит, о чём мы непременно поговорим в последующих главах, хотя и у него была лишь очень маленькая толика романовской крови.

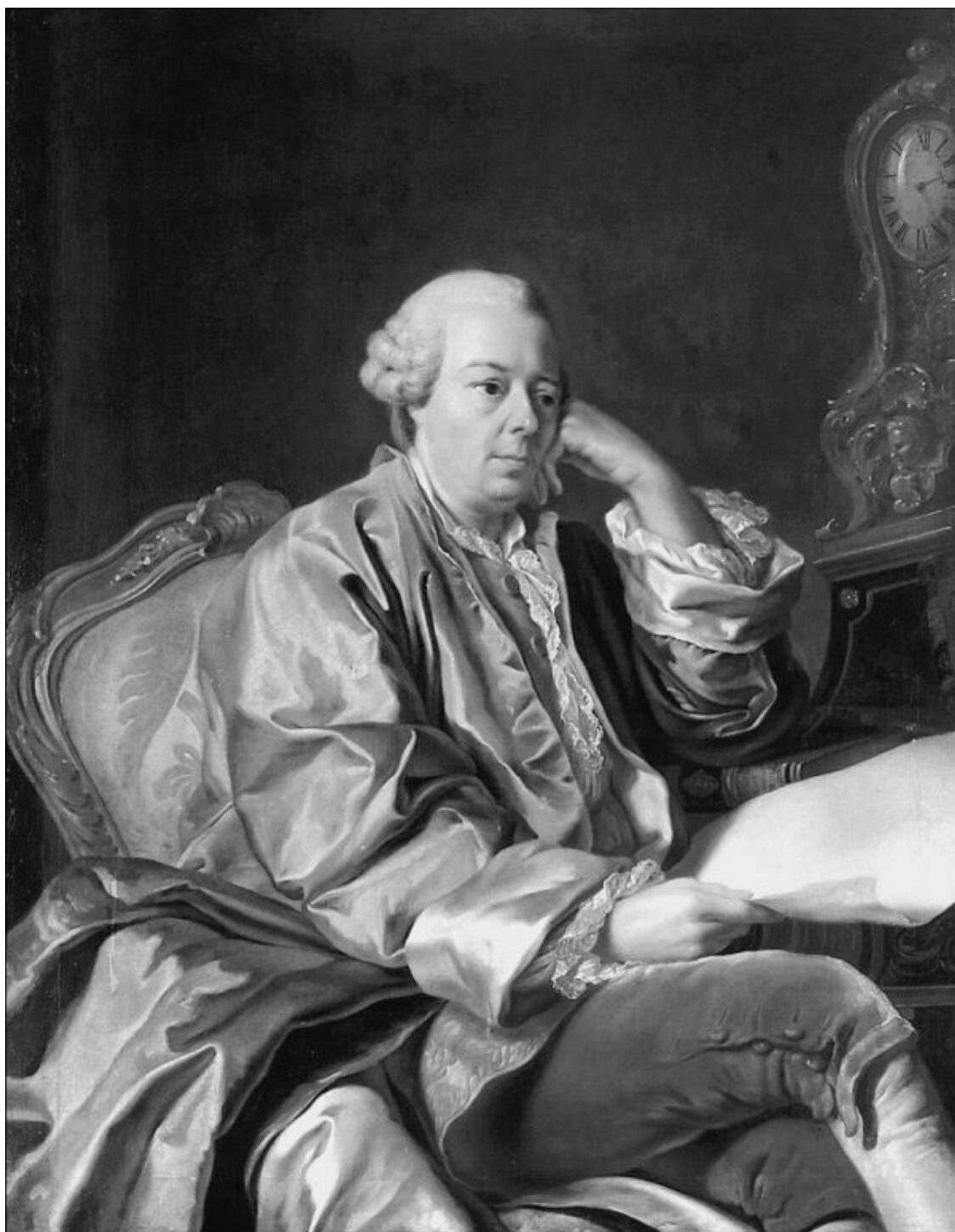
Да, Пётр Фёдорович был последним Романовым, хотя имя носил до перехода в православие Пётр-Карл-Ульрих. Потому и пригласила его в Россию Елизавета Петровна, что иных наследников не было. Те, кто пошел против Промысла Божьего, вряд ли поняли, что воевать с Богом бесперспективно, но это именно так.

В невесты наследнику престола Петру Фёдоровичу Елизавета Петровна выбрала прусскую принцессу Софию-Фредерику Ангальт-Цербстскую. Почему она сделала такой выбор? Выбор на первый взгляд странный, ибо принцесса была рода захудалого, происходила из заштатного прусского городка Штеттина. Одна из причин такова. Мать принцессы Иоганна-Елизавета была родной сестрой несостоявшегося жениха Елизаветы Петровны. Они переписывались, и императрица была расположена к ней.

Многие историки пытались понять, почему выбор пал именно на Софию-Фредерику-Августу? А. Г. Брикнер предлагал такое объяснение:

«С давних пор между русским двором и родственниками невесты Великого Князя Петра Фёдоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княжны Иоганны-Елизаветы (матери будущей Императрицы Екатерины II), епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета Петровна не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Ещё до мысли о браке Петра с принцессой Ангальт-Цербстской они находились в переписке с её матерью...»

Но есть и ещё одна причина. Близкий ко двору вельможа, внебрачный сын князя Трубецкого Иван Иванович Бецкой, приложил немало сил к тому, чтобы таковой выбор состоялся.

И. И. Бецкой. Художник А. Рослин

Снова мы встречаемся с представителями рода Трубецких. Брачный ли, внебрачный ли, но кровь-то Трубецких текла в жилах Ивана Ивановича, рождённого в ту пору, когда его отец находился в шведском плену, где к нему отнеслись весьма милостиво, пытаясь склонить на свою сторону, поскольку его предок, хоть и не прямой, был в 1613 году кандидатом на русский трон. Замешать смуту на русской земле жаждали все её враги. На сей раз не вышло... Но вскоре на Ивана Ивановича Бецкого, которого отец отправил от греха подальше на учёбу в Кадетский корпус в Данию, в то время союзницу России, было совершено покушение. Быть может, расплата за то, что обмененный на шведского генерала Трубецкой по возвращении в Россию служить кому-то там, на Западе, не захотел?

Во время учений, когда кавалерия шла строем, Бецкого сбросили с коня, и он упал под ноги скачущей лаве. Известно, что конь обычно не наступает на лежащего человека, но в плотном строю и кони не властны, куда наступать. Бецкой получил травмы и не мог продолжать воинскую службу в полном объёме.

Он отправился на службу в русское представительство в Париж, где был представлен принцессе Иоганне-Елизавете, будущей матери будущей императрицы российской Екатерины.

В знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона о Бецком сообщается:

«Выйдя в отставку, он путешествовал по Европе и, между прочим, в Париже был представлен герцогине Ангальт-Цербстской Иоганне-Елизавете (будущей матери будущей императрицы Екатерины II), которая и в то время, и впоследствии относилась к нему очень милостиво...»

Путешествие ли это было или работа в посольстве, в данном случае не важно – важно, что Иоганна-Елизавета «и в то время и впоследствии относилась к нему очень милостиво». Точнее не скажешь. Издание-то особого рода, выражения в нём точны. Лишнего не говорится, особенно об интимных сторонах жизни. Да и не всегда обязательно писать напрямую.

Ну а что касается парижских приключений, то на них обратили внимание не только авторы упомянутого выше словаря. Знаменитый журналист-историограф Н. И. Греч, по словам современников, «весьма компетентный вследствие своего тесного взаимодействия с III Отделением Его Императорского Величества канцелярии, где ему были открыты многие документы», писал:

«Немецкая принцесса происходила от русской крови. Принц Ангальт-Цербстский был комендантом в Штеттине и жил с женой в разладе. Она проводила большую часть времени за границей, в забавах и развлечениях всякого рода. Во время пребывания в Париже, в 1728 г., сделался ей известным молодой человек, бывший при прусском посольстве, Иван Иванович Бецкой, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собой, умный, образованный. Вскоре, по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессою Софией-Августою, в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгиней Ангальт-Цербстской была всем известна».

Известна-то известна, но долгое время этой темы никто не касался ни в литературе, ни в кино. Но время шло, наступало время тайному становиться явным, и вот уже стали появляться публикации, в которых шаг за шагом открывались всё новые и новые факты. Так, публицист Борис Алмазов в статье «Екатерина Великая – русская?», опубликованной в журнале «Тёмные аллеи», об отношениях Ивана Ивановича Бецкого и Иоганны-Елизаветы сообщил следующее:

«В начале 1729 года Ивана Бецкого срочно отзывают в Россию из Парижа, а 4 марта 1729 года у Иоганны-Елизаветы родилась девочка, получившая при крещении имя Софья-Фредерика-Августа».

Но, позвольте, почему 4 марта? Ведь всем известно, что София-Фредерика Ангальт-Цербстская – будущая императрица Екатерина Великая – родилась не 4 марта, а 21 апреля (по европейскому календарю 2 мая) того же 1729 года.

Этот вопрос интересовал и саму Екатерину. Став российской императрицей, она решила разобраться со своим истинным днём рождения, и по её поручению прусские историки, как сообщается далее в журнальной статье, «перерыли все штеттинские архивы в поисках материалов о жизни её родителей в этом городе и не нашли ничего, даже метрических записей о рождении Ангальт-Цербстской принцессы».

Борис Алмазов вполне резонно замечает:

«При немецком «орднунге» (порядке) такого не может быть, потому что не может быть никогда! Однако все материалы просто-напросто исчезли. Единственной причиной этого исчезновения историки посчитали тайну рождения принцессы и были правы...»

С какой целью изымаются те или иные документы, касающиеся времени рождения младенцев, рода не простого? Ответ ясен: скрыть истинную дату рождения, а с помощью сокрытия даты или её изменения увести подальше от того, кто же был настоящим отцом того или иного ребёнка. К примеру, дата рождения нашего знаменитого путешественника и, что менее известно, блистательного военного разведчика генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского была изменена указом самого императора Николая I. В документах был поставлен вместо 1838-го 1839 год рождения. Это было необходимо для того, чтобы увести день рождения подальше от даты встречи цесаревича Александра Николаевича со смоленской красавицей Еленой Алексеевной Каретниковой, будущей матерью Пржевальского. А встреча эта произошла в Смоленске как раз за девять месяцев до рождения Николая Михайловича. Интересно также, что к книге, хранящейся в церкви села Лабкова, где была первичная запись по поводу рождения, доступ был ограничен специальным распоряжением, а подлинник этой метрической книги никогда, нигде и никому публично не был представлен.

Были причины скрывать истинную дату рождения дочери Иоганны-Елизаветы. Проскочила даже информация, что будущая императрица родилась семимесячной. Словом, что-то было не то – поздновато, видно, вернулась к мужу Иоганна-Елизавета после своего парижского романа с Иваном Бецким, и необходимо было как-то завуалировать то, что родила она дочку раньше срока, уточним, якобы раньше срока.

И ещё один интересный факт. Когда в 1745 году Софию-Фредерику Ангальт-Цербстскую привезла в Россию её мать Иоганна-Елизавета, именно Иван Иванович Бецкой был назначен императрицей состоять при герцогине-матери и дочери, причём дочери также и его. Он был при герцогине вплоть до её отъезда из России, а когда она в 1747 году была вынуждена уехать за границу, то он вышел в отставку и отправился в Париж.

С отцом будущей императрицы ясно. Но что же с сыном. Настал момент поговорить о наследнике престола, ради которого императрица Елизавета Петровна и затеяла женитьбу Петра Фёдоровича. Наследник, нужен был наследник, причём срочно, поскольку она уже поняла, что её племянник – Пётр Фёдорович – в государи России не годится.

И вот невеста выбрана, брак заключён. Но планы Елизаветы Петровны натолкнулись на совершенно неожиданное препятствие, связанное с состоянием здоровья великого князя и, как окончательно стало ясно, неспособностью его иметь детей. Пришлось принимать срочные меры. Какие же?

Екатерина Алексеевна вспоминала в 1774 году в «Чистосердечной исповеди», адресованной Потёмкину:

«Мария Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменишь, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны выбрали вдову Грот... а с другой – Сергея Салтыкова – и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том наставляла великая нужда и надобность».

Портрет цесаревича Петра Фёдоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны.
Художник Г. Гроот

Многое открывает в тайне рождения наследника то, что рассказала Екатерина в своих записках:

«Между тем Чоглокова, вечно занятая своими излюбленными заботами о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала:

– Послушайте, я должна поговорить с вами очень серьёзно.

Я, понятно, вся обратилась в слух; она с обычной своей манерой начала длинным разглагольствованием о привязанности своей к мужу, о своём благоразумии, о том, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегчения или отягощения уз супруга или супруги, а

затем свернула на заявление, что бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила.

Я дала ей высказать всё, что она хотела, не прерывая, и вовсе не ведая, куда она клонит, несколько изумлённая, и не зная, была ли это ловушка, которую она мне ставит, или она говорит искренно. Пока я внутренне так размышляла, она мне сказала:

– Вы увидите, как я люблю своё Отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтения: представляю вам выбрать между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то последний.

На что я воскликнула:

– Нет, нет, отнюдь нет.

Тогда она мне сказала:

– Ну, если это не он, так другой, наверно.

На это я не возразила ни слова, и она продолжала:

– Вы увидите, что помехой вам буду не я.

Я притворилась наивной настолько, что она меня много раз бранила за это как в городе, так и в деревне, куда мы отправились после Пасхи».

То есть были предложены Нарышкин и Салтыков. Оба представители древних и знатных родов, опять-таки восходящих к Рюриковичам.

Случайность? Не думаю. Императрица Елизавета Петровна знала, что делает, или её деяния просто оказывались в русле Божьего Промысла по возвращению, пусть тайному, династии Рюриковичей, сплотивших и сделавших могучей державу Российскую.

И вот около полудня 20 октября 1854 года великая княгиня Екатерина Алексеевна родила мальчика.

«Как только его спеленали, – отметила она в своих «Записках...», – Императрица ввела своего духовника, который дал ребёнку имя Павла, после чего Императрица велела акушерке взять ребёнка и следовать за ней».

Здесь явно проявилось желание Елизаветы Петровны забрать под своё крыло и свою опеку того, кого она определила в свои преемники. Императрица была хорошо осведомлена о выходках великого князя, который в те дни пил беспорядочно и лишь однажды заглянул к супруге, справился о здоровье и тут же удалился, заявив, что «не имеет времени оставаться».

Уж кто-кто, а он-то отлично понимал, что не имеет ни малейшего отношения к новорожденному. Екатерина в своих «Записках...» упомянула о реакции со стороны Петра Фёдоровича на рождение детей, именно детей, потому что позднее у неё родилась дочь, названная Елизаветой Петровной Анной, в честь двоюродной сестры Анны Иоанновны. Так вот великий князь заявил однажды:

«Бог знает, откуда моя жена берёт свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребёнок и должен ли я его принять на свой счёт».

«Лев Нарышкин прибежал ко мне, – писала Екатерина, – и передал мне эти слова прямо в пылу. Я, понятно, испугалась таких речей и сказала ему:

«Вы все ветреники; потребуйте от него клятвы, что он не спал со своею женою, и скажите, что если он даст эту клятву, то вы сообщите об этом Александру Шувалову, как великому инквизитору Империи».

Лев Нарышкин пошёл действительно к его императорскому высочеству и потребовал от него этой клятвы, на что получил в ответ: «Убирайтесь к чёрту и не говорите мне больше об этом».

Яснее не скажешь.

Что касается Анны, судя по времени появления на свет дочери Понятовского, она умерла в младенчестве. Ну а Павла, как уже говорилось, сразу забрала императрица, и Екатерине пришлось испытать, как она выразилась, «горькое материнство»:

«Со следующего дня (после родов) я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль... и притом я схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела, и никто не справлялся о моём здоровье... Я то и дело плакала и стонала в своей постели».

Даже на крестины маленького Павла Екатерину не пригласили.

«На шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы. Я могла узнавать о нём только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нём Императрица, и это могло быть принято дурно. Она и без того взяла его в свою комнату, и, как только он кричал, она сама к нему подбегала и заботами его буквально душила...»

Вскоре после крестин Екатерине сообщили, что Сергей Салтыков был назначен отвезти известие о рождении Павла в Швецию. Этого и следовало ожидать. Держать при дворе такого свидетеля рождения наследника было бы опрометчиво. Вот когда Екатерина поняла, что привязалась к нему, а быть может, даже полюбила. Недаром, признаваясь в «Чистосердечной исповеди» о своих отношениях с Понятовским, она откровенно написала, что это произошло «после года и великой скорби». А тогда, после отъезда Сергея Салтыкова, призналась, что «зарылась больше, чем когда-либо, в свою постель, где я только и делала, что горевала».

Уже и крестины прошли, а мать ещё ни разу не видела сына. Но виновна ли она была в том? У неё не спрашивали, любит или не любит она жениха, когда вели под венец, более того, один из вельмож прямо и определённо сказал, что «государи не любят». То есть государи вершат браки по государственной необходимости. В то время считалось, что государи и члены правящей династии не всегда могут решать, как вести себя при дворе. Их действия также истолковывались государственной необходимостью. Императрица Елизавета Петровна полагала, что Павел не должен видеться с родителями, что его необходимо оградить от их влияния, тем более родительницей была, по сути, одна Екатерина.

Жестоко? А разве не жестоко то, что было сделано в отношении и вовсе безвинного младенца Иоанна Антоновича, упрятого в крепость «по государственной необходимости»? И тут трудно что-то оспорить, ведь для укрепления государственной власти, для прекращения эпохи дворцовых переворотов действительно необходимо было скрыть от всякого рода авантюристов личность, которую можно было использовать как знамя для поднятия смуты. И тут уж было не до того, чтобы считаться с интересами этой личности. Можно спорить и о суровости тех мер, которые были приняты к человеку, не виновному в том, что судьба распорядилась с ним так, как распорядилась.

Наверное, мы не вправе судить императрицу Елизавету Петровну за её решение самой воспитать наследника престола. Ведь несомненно одно: думала она прежде всего не о себе, а о державе Российской и преследовала не какие-то свои узкокорыстные интересы, а действовала во имя интересов, как считала, всеобщих.

И всё же добрые чувства порою брали верх...

«Когда прошло 40 дней со времени моих родов... – вспоминала Екатерина, – сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после рождения. Я нашла его очень красивым, и его вид развеселил меня немного; но в ту же самую минуту, как молитвы были кончены, Императрица велела его унести и ушла...»

Интересны наблюдения иностранцев и оценки, сделанные ими по поводу происходящего при Российском императорском дворе. Прусский посланник доносил Фридриху II:

«Надобно полагать, что Великий Князь (Пётр Фёдорович. – *Н.Ш.*) никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о его слабом здоровье, которое угрожает ему рановремен-

ною смертью... надобно признаться, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, как принц его лет может вести себя до такой степени ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута. К несчастью, он действует безо всякого притворства. Великая Княгиня ведёт себя совершенно иначе».

Воспитать «любезным пред Богом и у людей»

Безусловно, Елизавета Петровна несколько не обольщалась насчёт наследника, она была в весьма щекотливом положении. Ведь после неё престол мог занять именно великий князь Пётр Фёдорович. Великая княгиня, даже при том условии, что она была гораздо достойнее, при живом супруге никаких прав не имела. Осталось уповать на Павла. Но объявить его наследником при живых родителях можно было лишь по достижении совершеннолетия. И Елизавета Петровна готовила его к этому, стараясь всячески ограничивать его контакты с родителями, тем более великий князь даже и не стремился по понятным причинам к этому.

Напрасно считают, что Екатерина не слишком стремилась заниматься сыном. Ей не давали покоя мысли о его воспитании. Она писала целые трактаты, именуя его в них по-европейски принцем. Вот только несколько выдержек:

«По моему мнению, есть два правила при воспитании принца: это сделать его благотельным и заставить его любить истину. Таким образом, он сделается любезным пред Богом и у людей».

Говорят, что мальчишку, чтобы он стал мужчиной настоящим, только до пяти лет могут воспитывать женщины – мать, бабушка, всякие няньки, тётки. Далее необходимо мужское воспитание. Что же с Павлом? Духовный писатель, публицист, историк Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967) в книге «Русская быль от Екатерины II до Николая II» отметил, что «окружён он (Павел. – *Н.Ш.*) был только женщинами. От них, простых русских женщин, он с самых юных лет воспринял религиозность и церковность, утвердившиеся с годами».

Мужского воспитания, увы, маленькому Павлу не хватало, по крайней мере до того момента, пока его мать Екатерина Алексеевна не вступила на российский престол.

Наставники, воспитатели, педагоги? Да, они были, но были такими разными. Мелкий интриган, лжец, негодяй Никита Панин? Ну какой же это мужчина? Что в нём мужского? Сплетники и пасквилянты, подобные ему, скорее могут именоваться, да и то с большой натяжкой, мужчинками. Он только вредил воспитанию и портил характер царственного отрока, поступая с ним как с игрушкой в своих подлых руках.

Другое дело – Семён Порошин, оставивший «Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, Наследника престола Российскому», которые начал с упрёка в свой адрес в том, что слишком поздно начал писать – лишь в 1764 году, когда цесаревичу шёл десятый год, между тем об этом необыкновенном ребёнке надо было, по его мнению, писать начать гораздо раньше.

Историк Соловьёв отзывался об этом воспитателе следующим образом: «Порошин принадлежал к тому поколению даровитых русских людей, которые с жаром примкнули к начавшемуся тогда литературному движению; знание иностранных языков, давая возможность удовлетворить жажде к чтению, расширило его умственный горизонт; он с уважением относился к вождям так называемого просветительного движения на Западе, но уважение не переходило в увлечение; подобно Екатерине, Порошин принял за образец пчелу, которая из разных растений высасывает только то, что ей надобно. Порошин умел оставаться русским человеком, горячим патриотом, имевшим прежде всего в виду пользу и славу России. С этим-то высоким значением образованного человека и горячего патриота явился Порошин среди людей, призванных участвовать в воспитании Наследника престола, и, разумеется, немедленно же обратил на себя внимание и приобрёл более других влияние над ребёнком. Главная цель Порошина при воспитании будущего Государя состояла в том, чтобы внушить ему горячую, беспредельную любовь к России, уважение к русскому народу, к знаменитым деятелям его истории».

Родился Павел вполне здоровым ребёнком, был физически развит, уравновешен, словом, не отличался вспыльчивостью, о которой столько говорено-переговорено. Однако та белая для

России ночь 28 июня 1762 года, о которой упомянуто выше, едва не стала чёрной и роковой для державного ребёнка.

Николай Дмитриевич Тальберг писал:

«Большое впечатление на восьмилетнего Павла произвёл ночной переворот, совершённый летом 1762 года Екатериной. Его подняли с постели и под военной охраной перевезли из Летнего дворца в Зимний. С этого времени у впечатлительного мальчика появились болезненные припадки, повторявшиеся и потом.

Случился таковой с ним и в Москве во время коронационных торжеств по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины Алексеевны, его матери. Он разболелся настолько, что начали опасаться за его жизнь. По выздоровлении ярко проявилась впервые его доброта. По свидетельству Панина, Павел, когда начал поправляться от болезни, пожелал завести в Москве больницу для бедных. Желание его было исполнено; и основанная больница получила название Павловской. По этому случаю выбита была медаль. На одной стороне её помещен портрет Его Высочества, на другой – разные аллегорические изображения с надписью: «Свобождаемая сам от болезни о больных промышляет».

Из этой главы запомним сказанное Тальбергом о припадках и, конечно же, о милосердии и добросердечии будущего государя, ну а пока вернёмся к вопросам воспитания в отрочестве. Императрица Елизавета Петровна начала подготовку к будущей государственной деятельности путём образования на европейский лад; поскольку в России в ту пору наметилось опасное заболевание европейскими мерзостями, то не все понимали, что это лишь навредить может, но никак не дать результатов благих.

Но особенно опасным такое направление стало, когда главным воспитателем Павла был назначен недомужчинка Никита Панин. Кто-то может не согласиться с таким определением. Но позвольте, разве по-мужски настраивать сына против матери, действуя исключительно в личных целях и вынашивая задачи, пагубные и для воспитуемого, и для его матери, и для всего Отечества, хотя для Никиты Панины Россия вряд ли считалась Отечеством. Для таковых разрушителей российской государственности отечество – заметьте, в данном случае с маленькой буквы – там, где больше платят.

Портрет великого князя Павла Петровича в детстве. Художник А. П. Антропов

Семён Порошин рассказал:

«10-летним мальчиком он (Павел. – *Н.Ш.*) уже принимает просителей и новопроизведённых офицеров (патенты им подписывает как адмирал), уже попадает на уловки взрослых интриг, уже свободно говорит, пишет и читает по-русски и по-французски, похуже по-немецки. И что читает! Дон-Кишота (так у Порошина. – *Н.Ш.*), «Выборные истории из светских писателей» (*Histoires choisies des auteurs profanes*), французские комические оперы – это понятно; но оды Ломоносова, «Генриаду» и «Эдипа» Вольтера, «Федру» Расина, Юма, Устав Академии художеств, – такое я и взрослым-то человеком в лучшем случае читал бы из нужды... В 11 лет принимается писать «по-французски шуточную трагедию, в которой между прочими действующими лицами были и собаки его Султан и Филидор».

Заметим, прервав цитирование Порошина, что в данном случае явно проявляются гены матери, ведь Екатерина Великая, как известно, была к тому же весьма талантливым литерато-

ром. Сколько пьес вышло из-под её пера, причём, драматургию она поставила на службу государственную.

Не случайно государыня говорила: «Я имею честь быть русской, Я этим горжусь, Я буду защищать Мою Родину и языком, и пером, и мечом – пока у Меня хватит жизни...»

Защищая пером, она выпустила и записки по истории для своих внуков, воспитывая их, и две замечательные сказки – «Сказку о царевиче Хлоре» и «Сказку о царевиче Февее», которые вполне можно назвать нравоучительными, и немало острых пьес и комедий. Именно ей принадлежат удивительные строки о писательском труде. Наверное, всем известно выражение, что литературная работа начинается тогда, когда «рука тянется к перу, а перо к бумаге». Каждый литератор помнит такие моменты в своей жизни. Но это выжимка из более значительного изречения государыни. В письме к своему постоянному корреспонденту в Европе барону Гримму она писала: «Я не могу видеть чистого пера без того, чтобы не пришла мне охота обмакнуть оно в чернила; буде же ещё к тому лежит на столе бумага, то, конечно, рука моя очутится с пером на этой бумаге. ...Великое благополучие! Открывается поле для меня и моих товарищей, зараженных болячкою бумагу мараить пером, обмокнутым в чернила. Начав же, не знаю я никогда, что напишу, а как рукою поведу я по бумаге, то мысль сматывается, как нитка с клубка; но как пряжа не всегда ровна, то попадаетесь и потолще, и потонее, а иногда и узелок, или что-нибудь и совсем не принадлежащее к пряже, нитке и к клубку, но совсем постороннее и к другим вещам следующее».

«Ранняя любовь» цесаревича

Я не случайно взял в кавычки «ранняя любовь». Такое определение детским чувствам, именно самым ранним, когда ещё не может возникнуть то, что мы привыкли называть первой любовью, дал Александр Сергеевич Пушкин. Разумеется, значительно позже дал, в начале XIX века, тем не менее мы можем вполне отнести его определение к тем чувствам, которые озарили сердце цесаревича в отрочестве.

Учёба отроку Павлу давалась легко. Работали тут не только гены матери, но и гены деда, Ивана Ивановича Бецкого, величайшего деятеля Просвещения российского, автора многих книг, написанных вполне литературным, ярким и доходчивым языком. Это и «Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России, обоего пола благородного и мещанского юношества», и «Рассуждения, служащие руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса», и «Устав воспитания двух сот благородных девиц», и многие другие, на первый взгляд чисто теоретические, но отличающиеся литературным языком, опережающим по своей стилистики уровень того времени.

Да и воспитатель и учитель цесаревича Семён Порошин демонстрировал высокий по тому времени стиль, повествуя об особенностях характера своего подопечного, характера, в основе которого, конечно, много от трудолюбивой и, безусловно, гениальной матери. Семён Андреевич писал о Павле:

«Занимаясь чем-то своим, очень примечает и запоминает, что говорят взрослые, и не только ему, но и между собой, – а также: фехтует, танцует практически все балльные танцы, репетирует балетную ролю, распевает из опер, ежедневно после уроков вытаскивает что-нибудь на токарном станке, рисует, вырезает из бумаги, из-за юбок камер-дам инкогнито подсматривает за приёмами иностранных посланников, а потом сочиняет озорные пародии на их речи; но в должных случаях вытверживает и официальные речи, которые сам говорит им при аудиенциях; редко пропускает театральные представления и заужиной (да, в женском роде. – *Н.Ш.*) обсуждает и разбирает пьесы и исполнителей; сочиняет маскарадное шествие с недурно схваченными деталями типажей-масок... играет в цинк, в воланы, в биль-бокет, в фанты, в шахматы и шашки, в карты (три-три, берлан, гусёк, умные с накладкою, короли, ломбер и подломбер, шкап), в бильярд по рублю да по червонному за партию; чаще проигрывает; учит историю, географию, физику, механику, гидравлику, астрономию, алгебру с геометрией, фортификацию. За ученье его усадили лет с пяти, каникул не примечается у него, по воскресеньям учёба не отменяется: теология с отцом Платоном».

Очень важно и такое замечание Порошина: «Если б Его Высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Цесаревич Павел по поводу математики шутил. Спросил у Порошина, кто ныне самой большой математик? Порошин назвал Леонарда Эйлера, приглашённого в Россию в 1726 году. Семён Андреевич вспоминал: «Великий Князь изволил тут сказать: а я так ещё знаю ково-та, отгадай!» И как я говорил, что не знаю, про кого думать изволит, то изволил сказать мне: «Есть некто Семен Андреевич Порошин, да ученик его Павел Петрович... разве это не математики?»

Но это учёба. А что же сердце юного Павла? Оставалось ли оно спокойно, когда он видел вокруг немало хорошеньких девиц, ведь во фрейлины назначали в основном только красавиц. И вот одна из барышень особенно привлекла его внимание. И надо же, приглянулась ему дочь той самой статс-дамы Марьи Симоновны Чоглоковой, ставшей, конечно лишь отчасти, косвенной виновницей его рождения. Ведь именно Чоглокова настоятельно рекомендовала великой княгине Екатерине Алексеевне самой выбрать отца будущего наследника престола, предлагая для этого выбора Нарышкина и Салтыкова.

Но обратимся к «Запискам...» Порошина.

Начинаются они с повествования о первой любви цесаревича, помещённого в разделе, озаглавленном «Камергерская дочка. Роман 1765 года». 30 августа 1765 года, когда великому князю Павлу Петровичу без малого (двадцати дней) одиннадцать лет, был бал во дворце:

«30 августа. Вторник. Часов в семь изволил Его Высочество пойтить в залу и открыть бал с графиней Анной Карловной Воронцовой. После изволил танцевать менуэт с фрейлиной графиней Анной Петровной Шереметевой... с фрейлиной Верой Николаевной Чоглоковой... с фрейлиной Анной Алексеевной Хитровой и Елисаветой Николаевной Чоглоковой... Его Высочество очень был весел и танцевал весьма охотно, хотя впрочем и не безызвестно, что слишком не страстен он к танцованью».

Обычно цесаревич даже в отроческом своём возрасте обязательно открывал балы с одной из статс-дам, затем танцевал с другими важными дамами и лишь после этого мог выбрать партнёршу по душе. И однажды выбрал. Именно эта избранная им фрейлина Вера Чоглокова, ровесница цесаревича, и была дочерью уже упомянутой выше Марии Чоглоковой и троюродной племянницей императрицы Елизаветы Петровны. Уже во время первого танца Павел почувствовал симпатию к девице, а вскоре и увлекся ею, причём, конечно, увлечение это было платоническим.

О ней в биографии сказано, что «пользовалась вниманием великого князя Павла Петровича». Впоследствии, в 1769 году, Вера Чоглокова вышла замуж за Антона Сергеевича Миниха, внука знаменитого фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Минниха, которого ещё Пётр I называл «мой русский немец».

Словом, окружали наследника престола отпрыски знаменитых в России родов и «обсевших престол» иностранцев, по словам Ключевского, «посыпавшихся в Россию, как сор из дырявого мешка», ну и, безусловно, принёсших на русскую землю величайшее «повреждение нравов», это уже по определению князя – Рюриковича в 37-м колене Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790), автора книги «О повреждении нравов в России».

Конечно, не под влиянием интригана Никиты Панина, а с молоком матери впитал Павел Петрович добропорядочность и высочайшую нравственность, немало доказательств коей будет приведено в соответствующих главах. Ведь образ государя намеренно искажён недобропорядочными (это очень мягко говоря) современниками, а между тем о нём можно сказать словами его матери о русском народе вообще: «Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский».

Порядочность Павла Петровича особенно проявлялась в его отношении к представителям прекрасного полка. Порошин записал:

«Спрашивал Никита Иванович у Его Высочества, в кого он ныне влюблён? Признавался Его Высочество, что он влюблён, а в кого, того не сказывал». И далее: «Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил».

А ведь это ещё в ту пору, когда, как отметил Порошин, «за чаем были у нас разные разговоры. Его Высочество не имеет ещё явственного понятия о разности между мужеским и женским полом. Часто о том любопытствует... Изволил и сего дня покушаться меня о том спрашивать, но я, конечно, не тот, который бы пред Государем Цесаревичем когда-нибудь выболтал то, чего не надобно; ответы мои состояли в шутках, кои отнюдь ничего не объясняли. Сказывал мне Его Высочество, что он, читая на сих днях древнюю Ролленеву Историю, увидел там описание женских свойств, которое ему крайне понравилось».

С. А. Порошин. Старинная гравюра

Тут следует пояснить, что Ролленовой историей в ту пору именовали «Историю о римских императорах с Августа по Константина», начатую Ролленом Шарлем (1661–1741) и законченную Жаном Батистом Луи Кревье (1693–1765). Перевод с французского языка выполнен был Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703–1769), русским поэтом, переводчиком и филологом, которого называли «отцом русского стихосложения», поскольку он явился одним из основателей силлабо-тонического стихосложения, в основе которого чередование в определённом порядке ударных и безударных слогов. Эта «История...» была издана в четырёх томах в 1767–1769 годах типографией при Морском шляхетском кадетском корпусе.

В России она была популярна, и даже знаменитый мемуарист Николай Греч, человек весьма образованный, признавался: «Взамен учения, я много читал и размышлял. Географию, историю всемирную и русскую изучил без чужой помощи; в литературе знал всех русских писателей не понаслышке, а потому, что прочитал их, и не раз. Поверите ли вы, что я знал почти наизусть Ролленову древнюю и римскую историю по переводу Тредиаковского».

Некоторые страницы из этой книги пробуждали интерес к вопросам, которые, как полагали воспитателя цесаревича, обсуждать с ним ещё рано. Но они вызвали интерес у Павла, который, по замечанию Порошина, обмолвился: «Не дал-де я тогда тово знать, однако место очень приметил и прочитал ещё после».

Тогда же цесаревич сделал некоторые откровения: «Об одной фрейлине признавался мне Его Высочество, что он день ото дня её более любит. Не опровергал я совсем того, однако говорил Государю Цесаревичу, что не очень надобно в оные мысли устремляться, дабы оне не беспокоили и нужным Его Высочества упражнениям не препятствовали». <...>

Кому-то может показаться, что подобные увлечения необходимо пресекать в корне для упрочения нравственности. Вспомним очень хороший советский художественный фильм «Вам и не снилось». Но это фильм. А сколько примеров мы знаем, когда неправильное понимание нравственного воспитания приводит к любовным драмам. Да вот взять хотя бы судьбу нашего великого поэта Фёдора Ивановича Тютчева. В шестнадцать лет он полюбил в первый раз, но полюбил дворовую девушку Катюшу Кругликову. Через годы эти его чувства, которые он сам назвал первой любовью, нашли отражения в известном стихотворении:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Стихотворение написано на смерть Александра Сергеевича Пушкина, но многих биографов занимал вопрос, кого же имел в виду поэт, приводя словосочетание «как первую любовь». Россия никогда не забудет Пушкина, как не забыло и не забудет сердце Тютчева свою первую любовь.

Мать не приняла эту любовь и ради того, чтобы разрушить отношения между молодыми людьми, которые зашли, по её мнению, слишком далеко, добилась разрешения на досрочный выпуск из университета и отправила его в том 1822 году на службу в Коллегию иностранных дел, которая находилась в Петербурге. Тогда сообщение между двумя столицами было значительно сложнее, нежели ныне, и, конечно, Тютчев уже не мог видеться с предметом своего увлечения. Столь же жёстко поступила судьба с первой любовью Тургенева, с первой любовью Бунина. (См. мои книги серии «Любовные драмы» издательства «Вече»: «Любовные лихорадки Тургенева. Поэзия и проза жизни» и «Темные аллеи Бунина в жизни и любви. Лирика и судьба в жизни русских поэтов».)

Но вернёмся к воспоминаниям Семёна Порошина, а прежде поразмышляем над тем, что отроку необходимо мужское воспитание. Это воспитание он нашёл в общении с настоящим, в отличие от Панина, воином, мужем государственным, человеком необыкновенной отваги, который заставил пруссаков говорить, что русского мало убить, его ещё надо повалить на землю. Обычно, повествуя об этом человеке, о Григории Орлове, сочинители всех мастей говорят о нём с издёвкой, пренебрежением, как о фаворите, увивавшемся возле Екатерины, а затем отставленном ею, словом, через губу, полагая себя выше и значимее для... ну, конечно, думают, что для народа.

А каков в бою! Орлов, выпускник Санкт-Петербургского кадетского корпуса, отличился в ожесточённом сражении близ прусской деревушки Цорндорф. Битва с войском прусского короля Фридриха II шла с переменным успехом. Орлов уже в начале её получил ранение, но остался в строю. Продолжал сражаться и тогда, когда ранили его во второй раз. Своим богатырским видом он внушал ужас противнику, а русские воины шли за ним в бой, презирая опасность. Во время одной из схваток совсем рядом прогремел взрыв, Орлова засыпало землей, и товарищи уже мысленно простились с ним. Но он поднялся, несмотря на то что был

ранен уже в третий раз. Ему кричали, чтобы отползал в лазарет, что его прикроют. Но он и не думал выходить из боя и снова увлёк своих солдат в контратаку.

В том сражении прусская армия потерпела поражение и бежала с поля боя. Орлову за подвиги его был пожалован чин капитана и дано ответственное и почётное поручение – доставить в Петербург взятого в плен адъютанта прусского короля графа фон Шверина. Именно это поручение привело к знакомству с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Орлов смело встал во главе русских патриотов, которые убрали с трона пропрусское нечто и возвели на престол будущую великую государыню, приумножившую славу России.

Порошин отметил роль Григория Орлова в воспитании цесаревича Павла. Конечно, эта роль не ограничивалась тем, что отмечено в этих строках, но и они достаточно характерны. Напомню, записи Порошин начал делать в 1764 году, когда Павлу Петровичу было 10 лет... И вот уже 11 лет...

«...9 октября. Воскресенье. Пришёл к Государю Цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от Ея Величества звать Великого Князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоями Ея Величества. Пошёл туда Его Высочество, и Государыня быть там изволила. Весь город виден. Сходя оттуда вниз, говорил граф Григорий Григорьевич, не изволит ли Его Высочество посетить фрейлин. Оне живут тут в близости. Государю Цесаревичу хотелось туда итти, однако в присутствии Ея Величества не знал, что ответить. Государыня сомнение решила: изволила сказать, чтобы Его Высочество шёл туда. Никогда повеление с такою охотою исполняемо не было, как сие. За Государем были Никита Иванович и граф Григорий Григорьевич. У всех фрейлин по комнатам ходили. Возвратясь к себе, изволил Его Высочество с особливим восхищением рассказывать о своём походе и, кто ни приходил, изволил спрашивать: «Отгадай, где я был севодни?» После рассказов вошёл в нежные мысли и в томном улаждении на канаве повалился. Подзывая меня, изволил говорить, что он видел свою любезную и что она от часу более его пленяет...»

Как видим, ничто человеческое отроку Павлу не было чуждо. Ну а известна истина, озвученная Джеком Лондоном в романе «Сердца трёх»: «...мужчина, которого не ранит любовь к женщине, – только наполовину мужчина...»

Правда, самые первые чувства, если они сильны, могут обернуться большими горестями и драмами в дальнейшем, если будут прерваны насильственно. Трагедия первой любви обернулась для Тютчева двумя браками и третьим, незаконным. Тем более, кроме оборванной насильственно первой любви к Кате Кругликовой, была и ещё одна, когда Тютчеву было отказано в сватовстве по причине весьма банальной – был жених выгоднее. Тургенев же и вовсе не женился. Конечно, причина не только в том, что первую любовь он отдал любовнице отца, но и этот факт сказался на его любовных увлечениях в дальнейшем.

Что касается Павла, то, судя по дневниковым записям Порошина, его сердце опалило пусть раннее, но сильное чувство.

Вот очередные записи:

«13 октября. Четверг... По окончании учения изволил у меня спросить Его Высочество, так ли я свою любезную люблю, как он свою любит; и как я сказал, что, конечно, не меньше, то Государь Цесаревич изволил говорить, что наши любви в пропорции геометрической, и изволил написать сию пропорцию...

14 октября. Пятница. В семь часов пошли мы к Ея Величеству, потом на маскарад. Его Высочество очень много танцевать изволил: менуэтов более двадцати... Особливо Государь Цесаревич очень часто танцевать изволил со вторым членчиком вчерашней геометрической пропорции, разговаривал и махал весьма всем приметно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбивала суровостью...

18 октября. Вторник. Его Высочество встать изволил в начале осьмого часу. Одевшись, учился как обыкновенно. Отучась, изволил играть в цинк, и там в окно маханье происходило.

Комната, где сия игра была, стоит окошками во двор, и против самых тех окошек, где живут фрейлины. Оттуда оне выглядывают и с Государем Цесаревичем перемигиваются, особливо модная наша особа... В начале второго часу сели мы за стол... Как десерт подали, то Его Высочество изволил положить к себе в карман бергамот, чтоб сего дня в кукольной комедии отдать его своей любезной. – После обеда, позабавясь, изволил учиться как обыкновенно... После учения попрыгивал Его Высочество и почти вне себя был, что увидит сего дня в кукольной комедии свою милую... В комедии Его Высочество предприятие свое исполнил и бергамот отдал. С таким примечанием на любезную свою он взглядывал, что после мне с подробнейшею точностию пересказывать и переделывать изволил, как она говорит, как улыбается, как смотрит и какие имеет ухватки...

19 октября. Середа. Сегодня Его Высочество очень был наряжен и разубран... весь день был в золоте. Четвертой уже день как приказывает себе на каждой стороне класть по семи буколь, а преж сего обыкновенно только по одной букле... Любовь творит чудеса. Чулки раза два или три ныне в день приказывает перевязывать, чтобы были глаже...»

И вот настало время, когда цесаревич задумался о будущем своего увлечения. Это ведь неминуемо, особенно если человек, полюбивший, высоконравственен и добропорядочен, если относится к представительнице прекрасного пола не как к предмету минутного увлечения. В юности увлечение воспринимается как прелюдия к соединению с предметом этого увлечения. Порошин сделал такую запись:

«20 октября. Четверг. Всё утро разными аллегориями проговорил со мною о своей любезной и восхищался, вспоминая о ея прелестях... Потом, как оделся, возобновил опять прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться?... Отвечал я Его Высочеству, что до этого ещё далеко...»

Что ещё мог ответить воспитатель? Не наносить же удар в самое сердце. Он прекрасно понимал, что ни о какой женитьбе и речи быть не может. Но... Конечно, не все ранние увлечения сохраняются даже у «партикулярных» людей, не все остаются и у тех, кому суждено наследовать престол, а вместе с этим наследованием и другое, идиотское положение царя-плотника.

Разве можно называть преступным влечение мужчины к женщине? Это влечение от природы, и, прежде чем судить о нём, важно понять сущность каждого такого влечения. Ведь высокое чувство мужчины к женщине или женщины к мужчине позволяет постичь чувство Любви, позволяет осознать, что такое Любовь. Не познав же, что есть Любовь, не испытав этого чувства на духовном уровне, разве может человек понять и осознать Любовь в высшем её проявлении, разве сможет осознать, что есть не только сама по себе Любовь, а что есть Любовь к Богу!

Кто нас учит любви? Прежде всего, конечно, родители своей любовью к нам. И мы отвечаем им любовью. Но эта любовь несколько иная – это со стороны родителей восхищение своим чадом, которое как бы является твоим повторением на грешной Земле, которое плоть от плоти твоей. А у детей это чувство основано на не всегда осознанной благодарности к тем людям, которые души в них не чают. Это что-то другое. Это привязанность, это и благодарность, это, наконец, и долг перед самыми близкими людьми, которые не жалели ничего для своих чад.

Но с самых ранних лет мальчишки с интересом, растущим с годами, поглядывают на девчонок, а девчонки – на мальчишек. Пока этот интерес не осознан, не понят. Пока ещё главными в жизни являются родители. Но тут всё иначе... Почему-то замирает или начинает отчаянно биться сердце при взгляде на девочек, почему-то всё существо наполняется какими-то неведомыми прежде, непонятными ощущениями.

А время идёт, и круг интересов сужается... Постепенно не просто особы противоположенного пола, а лишь какие-то конкретные из их числа становятся предметом особого внимания. Причём даже тогда, когда ещё не вспыхнуло ярким пламенем неведомое чувство, круг интереса к противоположному полу тем уже, чем выше интеллект того, кто интерес этот про-

являет. И вот уже этот круг сужается до одного, только одного человека. И ко всем остальным остаётся лишь очень ровное, спокойное отношение.

В детстве нам кажется, что мы влюбляемся. Да, нравится то одна девочка, то другая. Это выражается в стремлении видеть её, в стремлении делать что-то приятное, в стремлении обратить на себя внимание. Неужели и тогда уже всё это следует называть страшным грехом, ведь, по некоторым канонам, только посмотрев на женщину, ты уже согрешил! Но ведь в молодые годы смотрят без тех осуждаемых желаний, просто смотрят, потому что хочется смотреть, разговаривают, потому что хочется разговаривать. Грех ли это? Смешно считать грехом. Тогда уж во избежание греха нужно разделить мальчиков и девочек, юношей и девушек и расселить на разных планетах или, по крайней мере, в местах, труднодоступных для общения.

Отроческий роман цесаревича продолжался...

«21 октября. Пятница. В исходе седьмого часу пошли мы на маскарад с Его Высочеством... Танцевал Его Высочество много, особливо с своей любезной, и говорил с нею довольно. Сего дня в первый раз Великой Князь танцевал польской в четыре пары с шеном и под предводительством красотки своей так понял, что казалось, будто бы давно его знал. Кроме одного польского, изволил Его Высочество танцевать еще два обыкновенных польских, и все с одною парюю, то есть с дражайшей своей В.Н. С начала маскараду пошло было не очень мирно: милая наша маска убежала прочь (показалось ей, будто старшая её сестра Е.Н. в моду входит), и тем Его Высочеству причинила скучные мысли; но напоследок восстановлен мир... По возвращении, между прочих разговоров, изволил сказывать Его Высочество мне одному за уверенность, что как в польском, танцуя шен, подавал он руку своей любезной, то сказал ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.